

АНДРЕЙ ХУСНУТДИНОВ



СПАСЕНИЕ

16+

Андрей Хуснутдинов

Спасение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38735570

SelfPub; 2018

Аннотация

Мир Марьи Александровны, вдовой учительницы литературы, рушится с известием о пропаже без вести единственного сына. Но она верит, что может спасти своего Вовку.

– Думаешь: ангел, так всё – предел разрешения, тело без органов? – говорил «бедовый» Михайлов, физик-недоучка, друг детства Марьи Александровны. – Ну, да – предел. Но какой? Их отличие от нас не то, что они с крыльями, или бесполое, ну, там, без этого... или вообще кастраты, а что ангел – *изотропен*. Свойства его не меняются, с какой стороны ни подойди. И сколько ни дели, все одно, как режешь голограмму или гидру, получишь ангела.

– А мы? – растерялась Марья Александровна, не понявшая ничего. – Люди – что же?

Михайлов захлопнул альбом с фотографией петропавловского шпиля, из-за которого и шел сыр-бор.

– А мы – *анизотропны*. Человек – пирамида, пирог. И тут чего только не понасовано – здоровье, деньги, квартира... Даже какая-нибудь клумба под балконом. Так вот вытаци что-то одно – и всё, тью-тью, нет человека. Был и сплыл.

– А что есть?

– А то и есть – скот или протоплазма.

Марья Александровна, чья учительская память походя отсеивала заумь, на время напрочь забыла о разговоре, но вспомнила его до последнего слова, когда два года спустя тот же «бедовый», дыша перегаром, пряча глаза и путая слова, сказал ей, что Вовка пропал с семьей в Германии.

Вышло именно так: по страшном известии она сначала вспомнила о пирамидальном устройстве человека. Мысль, что из мира могли куда-то деться ее единственные сын, внук и, пусть нелюбимая, стоявшая ближе к остальному человеческому классу невестка, – эту мысль ее вышколенная глухота к немыслимому было тоже отправила в долгий ящик. Другая мысль – что ничего из перечисленного Михайловым не исчезло, включая разбитый ею палисадничек у подъезда, – наоборот, захватила. Марья Александровна как бы замерла. Всем своим рассудком, еще не дававшим сбоев, она налегла на человеческую пирамиду. Так, не восприняв сразу значения новости, она и осталась в здравом уме. Рассудок, хотя и обманом, подобно тому как завлекают колбасной шкуркой собаку, удержал ее при себе. Михайлов продолжал что-то говорить, она что-то спрашивала, а потом откуда ни возьмись явилась знакомая врачиха из скорой, мать прошлогодней выпускницы, засверкали шприцы, заклацали пузырьки, и гостиная, будто ящик, стала переворачиваться с пола на восточную стену. От этого дикого времени, прошедшего на уколах до получения визы, в памяти задержался только черно-белый сон – что она больше не Марья Александровна, а полая статуя, покрытая изнутри копотью сожженных внутренностей, тело без органов.

Михайловскую пирамиду со временем заменила «шту-

ка» – мобильник, который сын подарил в том году, в будний день, с бухты-барухты, заскочив в школу между уроками. На вопрос Марьи Александровны: «Зачем?» – Вовка сперва отмахнулся, но взглянул на часы, вывел ее под локоть из учительской и посреди грома и гвалта большой перемены все объяснил. Верней, отбарабанил в отцовской манере, заводясь с полвопроса и сбиваясь на казарменные словечки, оттого что Марья Александровна не понимала «простых вещей». Они чуть не поругались в тот раз. Марья Александровна тянулась к сыну, пробуя не то приласкать, не то ущипнуть его, а он, птясь, только сильнее раздражался. Наконец она встала, смиренно опустила руки и, поглядывая вокруг, молча слушала. Суть подарка, «симки с секретом», заключалась в том, что это был какой-то «защищенный, невидимый канал», звонить «отсюда» можно было кому угодно, кроме Вовки, а звонить «сюда» мог только Вовка, в крайнем случае – Наташа (невестка), ну, или, если доберется, Ромка (внук), секретом же составляла полная «автономность карты», то есть Марья Александровна могла пользоваться номером «хоть на Луне» и не заботиться пополнением счета. Было это накануне командировки сына в Ливан, отчего беспокойство Марьи Александровны возрастало, но из Ливана Вовка стал названивать как ни в чем не бывало, она успокоилась и даже, если звонки слишком частили, пеняла ему за расточительность. В Питер он вернулся неожиданно-негаданно, сильно раньше срока, почерневший от солнца, высохший

от дизентерии и запершийся в себе. Разговорить тогда Марье Александровне не удалось ни его, ни Наташу. О лютом случае в Бейруте, когда выкрали кого-то из наших посольских, и были переговоры, и заявление МИДа, и пленников отпустили только после того, как захватчики получили в коробке ампутированное достоинство кого-то из своих – обо всем этом Марья Александровна знала из вторых рук и так и не могла разобрать, что тут правда и что рассказы. «Бедовый» Михайлов, с университета околачивавшийся в органах и намагнитивший туда Вовку, на расспросы отзывался невпопад, налегал на то, что волноваться не о чем, так как дорога на Ближний Восток Вовке была заказана, но теперь, когда земля плыла под ногами Марьи Александровны, сам как в воду канул – не появлялся, не отвечал на звонки. Недолго думая, Марья Александровна позвонила другому Михайлову, тоже старому другу, тоже имевшему отношение к органам, но обитавшему там на такой высоте, что вряд ли догадывался о существовании подначального однофамильца. Разговор не задался с самого начала. Михайлов говорил нехотя, выбирал слова, точно сверялся с бумажкой, и все время просил прощения, отвлекаясь на кого-то в кабинете или в машине. Учительское чутье сразу подсказало Марье Александровне, откуда дует ветер.

– Если ты думаешь... – сказала она, скатываясь по слогам, как по ледяному желобу, в шепот, чтобы не задохнуться, – если вы думаете, что Вовка... что он переметнулся, то он все

равно позвонил бы мне.

– Мы ничего такого не думаем, Маша, – вздохнул Михайлов. – Бог с тобой. Мы делаем все, что можем.

– И что вы делаете?

– Ждем.

– Михайлов, ты знаешь, с какого номера я звоню?

– Знаю, Маша.

– И знаешь, что будет, когда Вовка позвонит?

– Да. Ты только не волнуйся.

– Нет! – вскричала она в сердцах, чувствуя, что будто летит куда-то вниз головой. – Ничего вы не знаете! Это будет значить, что он жив! Что он и Ромка – живы! Вот и все!

Бросив трубку, она ходила по дому и, как если бы Михайлов еще слушал ее, повторяла, что они не знают Вовку. Через несколько дней после похорон мужа она проснулась ночью оттого что девятилетний сын стоял в дверях спальни и глядел на нее. «Что ты?» – сказала она. «Ты не умрешь?» – спросил он. И это была мұка, конечно. Марья Александровна, повидавшая маменькиных сынков и старавшаяся держать на расстоянии, не приклеивать к себе Вовку, чувствовала, что в те дни между ними как бы завязывается новая, невидимая, полнокровная пуповина. Вовка сам потянулся к ней, и как могла она оттолкнуть его? Он и в органы определился, потому что вылетел с медицинского, не прошел «мясные ряды», то есть, поняв, что не станет ей защитником от болезней, решил сделаться защитником как таковым. И до чего,

наверное, у него скребли кошки на душе, если в своих командировках он не мог звонить ей, когда хотел. И что другое еще была эта его «штука», телефон, как не возможность в любое время встать в ее дверях: «Ты не умрешь?» И как это мог делать предатель?

Марья Александровна подобрала трубку, прижалась к ней губами, сморгнула слезы и тарасилась на уровень заряда батареи – после проклятого известия «бедового» она стала бояться, что из-за севшей батарейки телефон отключится в самый ответственный момент, и Вовка не дозвонится. Теперь она носила трубку с собой всюду, подзаряжала ее, стоило погаснуть первой засечке на шкале, и оставляла на ночь возле будильника. Телефон молчал, так что подчас Марья Александровна сравнивала его с самим Вовкой, замыкавшимся в себе по пустякам, начинала тревожиться, не разладилось ли что, звонила с него на свою обычную трубку, потом на домашний номер, потом набирала знакомых, которые отвечали настороженно, так как номер не определялся, а оттого что он не определялся, было нельзя проверить главного – работала ли карта на прием. Просить о помощи кого-то сведущего в этой машинерии Марья Александровна опасалась – мало ли что там можно было сбить ненароком, да и Вовка требовал помалкивать об их секрете. Номер, помимо него, вероятно, знал еще Михайлов, но отныне Михайлов перестал для нее существовать, навсегда растворился в своем поднебесье. Услышать заветную трель и почувствовать в руке оду-

рящую, как озноб, вибрацию звонка она могла только, если переключала что-нибудь в настройках сигнала, и, бывало, просиживала за этим до тех пор, пока не замечала щербинку на шкале, не откладывала трубку и не бралась за голову.

Альпийский городок, собранный по лесистым склонам вокруг лебединого озера, точно макет на выставке, ошеломила ее: она ехала в прифронттовую полосу, в дым, грязь и развалины, державшие в заложниках сына, а попала в какой-то детский сон. Было начало осени, леса подергивались кроваво-золотой пылью, по утрам с гор сходили туманы, тут и там на фасадах попадались чеканные известия о постое то Гофмана, то самого Гете, и Марье Александровне потребовались целые день и ночь, чтобы совместить, стянуть это сказочное место с мыслью о пропаже Вовки. Деревянный коттедж – опрятный, как ларец, смотревший на озеро верандой в диком винограде, – был один из многих на восточном берегу и не помечался табличкой, которая говорила бы, что Вовка арендовал его три недели назад, но Марья Александровна даже не сверяла адрес с каракулями в записке «бедового», каким-то шестым чувством она поняла, что сын останавливался именно тут. И тотчас, стоило ей поставить себя на место Вовки, будто невидимая завеса пала между ней и сказочным миром вокруг. И отчего-то это было страшно. Она смотрела на дом, на лебедей, скользивших знаками во-

проса у берега, и как бы перестала узнавать их. Потом охнула, пошла прежней дорогой к гостиничке и на ходу все заплотшно оглаживала голову, удивляясь, как та оставалась цела после чудовищной мысли, что такая сказочная красота могла соблазнить кого угодно, не то что Вовку. Затем, часа через полтора, когда собирался дождик, вернулась к коттеджу, думая, что под тучами будет легче совладать и с красотой, и с непрошеной мыслью о ее власти над человеком, и притом втайне, в какой-то животной, бесстыдной глубине сердца благословляла и эти горы, и озеро, и лебедей за то, что хоть так, ужасной ценой предательства, сын получал возможность вернуться к жизни. Однако тут откуда-то взялся домовладелец, и все только больше запуталось, сбилось.

Сивоусый хозяин коттеджа был до помрачения похож на Максима Горького лицом – в чем, судя по приветствию с цитатой из «Буревестника», отдавал себе отчет, – но сходство это было отталкивающим, карикатурным из-за малого роста немца. На январской фотографии, сделанной в Пушкинских Горах, он узнал и Вовку, и Ромку, и Наташу, сказал, что они были у него дважды, последний раз в августе, были веселые и хотели приехать снова.

Мария Александровна почувствовала, как у нее начинает колотиться в груди, как кровь приливает к лицу, буквально бьет по щекам.

– Хотели снова? – повторила она не столько за немцем, сколько за собой, договаривавшей, ставившей на ноги его по-

луживые русские слова.

– *Хо-тели...* – Немец не глядя, жестом опытного гида указал раскрытой пятерней в коттедж. – *Sie wollten... hierher...*
Хо-тели. Ja.

Скоро, однако, выяснилось, что главного, того, как съезжал Вовка, он не видел, да и вообще редко видел, как съезжают постояльцы, а просто забирал в условленный день ключ из прихожей, обходил – *für alle Fälle* – комнаты и вызывал горничную. Марья Александровна тихо спросила, нельзя ли посмотреть дом. Немец, как если бы она в эту самую секунду возникла перед ним, смерил ее удивленным взглядом, строго сказал: «*Плакать, скандаль тут – запрет*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.